

А.И. Липкин¹

РОССИЯ МЕЖДУ НАЦИЕЙ И СУБЦИВИЛИЗАЦИЕЙ. СРАВНЕНИЕ С ФРАНЦИЕЙ²

Аннотация

Проводится сравнительный анализ изменения исторических форм существования России и Франции. Показывается, что из трех последовательных этапов формирования нации и национального государства, выделенных в истории Франции, в истории Российской империи и СССР два первых этапа реализуются так же как во Франции, но перехода к третьему этапу не совершается в силу ряда отличий в виде: 1) опасности распада, 2) наличия субцивилизационной альтернативы национальной общности, 3) принадлежности к «приказному» типу систем. Современная Россия стоит перед тем же выбором: нация или «многонациональная» держава-субцивилизация; оставаться «приказной» или перейти к «договорному» типу систем.

Ключевые слова: Россия, СССР, Франция, российская субцивилизация, нация, держава, «приказной» принцип, культурное ядро

A.I. Lipkin

RUSSIA BETWEEN NATION AND SUBCIVILIZATION. COMPARISON TO FRANCE

It is shown that first two of three successive stages of nation and nation state formation, which were marked out in French history, are realized in the history of the Russian Empire and the USSR. However the third step wasn't done because of some Russian differences, such as 1) the risk of disintegration; 2) existence of subcivilization alternative; 3) "command based" ("mandatory") type of institutional system. Present-day Russia is in the same type of subcivilization power state as its predecessors and it stands in the faces the same options: to be a nation or a "multinational" power; to be the "command based" ("mandatory") or the contractual system

Key words: *nation building, Russia, Russian subcivilization, French nation, power, command based ("mandatory") principium*

В предыдущей статье³ была сделана попытка уточнить понятие национальной общности и провести более четкое его отделение от понятий цивилизационной (и субцивилизационной) общностей, с одной стороны, и этнической – с другой, развести понятия «культурной» и «политической» нации, «национальной» и «националистической» общностей, которые отвечают коллективистской и индивидуализированной типам общностей (одним из важнейших отличительных качеств деиндивидуализированной коллективистской общности является малая ценность индивидуальной жизни).

¹ Липкин Аркадий Исаакович, доктор философских наук, доцент, профессор каф. философии Московского физико-технического института (ГУ), 141700, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский переулок, д.9, arkadiy.lipkin@gmail.com.

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-03-00687.

³ Липкин А.И. К вопросу о понятиях национальной общности и национального «культурного ядра» // Вестник российской нации, 2012, №4-5.

Теперь посмотрим как работают эти понятия на материале истории России, которую будем рассматривать на фоне истории Франции. Я выделил эту пару, потому что, как мне представляется, в плане формирования национальной общности, в этих историях просматривается, с одной стороны, ряд важных аналогий, а с другой – то, что в российской истории осталось незавершенным или смешанным с другими процессами, во французской истории было проявлено в четкой форме и их сравнение позволит выделить в истории России ряд важных процессов более отчетливо.

В предыдущей работе было дано различение двух типов процессов формирования национальной общности.

Ко второму типу относятся нации, формировавшиеся конце 19 в., а также те, что образовались после двух «горячих» и одной холодной мировых войн. К ним часто применима трехфазная схема Ст. Хроха: «в фазе А (являющейся наследницей позднего романтизма. – А.Л.) пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории. За этой культурной фазой развития следует фаза национальной агитации (фаза Б)... [затем], национальное движение вступает в третью фазу (фазу В) – массовое движение, в котором большая часть общества охвачена идеями национального самосознания и стремится к такой цели как политическая автономия»⁴. Часто фаза В сопровождается вспышками «национализма», под которым имеется в виду коллективистская идеология (т.е. идея предназначенная коллективу и служащая для его консолидации через деиндивидуализацию).

История Франции, ставшей в 19 в. образцом нации для всей Европы и даже шире, демонстрирует процесс первого типа, в котором нами было выделено *три этапа* – «*королевский*», «*державный*», «*национальный*». Каждому этапу отвечает своя форма надсословного единства. В центре данной статьи будут первые два. В литературе эти этапы, как правило, четко не выделяются, а в данной работе они (особенно второй) занимают очень важное место.

Суть первой, которую для России уместнее было бы назвать «царской», состоит в том, что в ней надсословное единство определяется общностью подданства и религии, которая некоторым образом связывает себя с данным государством (т.е. приобретает локальную форму). Суть второй заключается в деперсонификации и десакрализации этой надсословной общности, которую мы обозначим словом «*народ*»: место персоны правителя занимает страна (держава), а место религии – светское «культурное ядро», основу которого составляют светские история страны и высокая (т.е. связанная с образованием и образованным слоем) культура (в первую очередь литература).

⁴ Цит. по Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 156-157.

Процесс формирования национальной общности во Франции

Начало формирования французского королевства было стимулировано провозглашенной в ходе "папской революции" 12 в. новой роли королей – защитников церкви и порядка. Короли Франции (в 1254 титул короля франков был изменен на титул короля Франции) в средние века считались *защитниками церкви и Папы*. Людовик IX "Святой" (1226-1270) организовал два Крестовых похода. «*Служба и верность королю непременно приобретали религиозный смысл... На военную службу, в частности, (во Франции времен Столетней войны. – А.Л.) смотрели как на продолжение крестовых походов*»⁵ (здесь и далее курсив мой – А.Л.). На этой почве возникает *переплетение общности подданства и религии*, которое усиливается в ходе Столетней войны (1337-1453). Ярким проявлением этого переплетения является явление воодушевившей армию Жанны Д'Арк (воспринимавшейся как святой).

Первоначально «источником французской идентичности оставался король. Человек становился французом через свое отношение к "наихристианнейшему" королю. Даже если человек идентифицировал себя с территорией, территория рассматривалась как нечто принадлежащее короне, а корона имела специфическое религиозное значение. Ничто французское не могло тогда существовать вне этого отношения». Эта связь усиливается, когда «наихристианнейшие французские монархи, старшие сыны католической церкви, медленно, но верно освобождались от ее материнской заботы. ... В 1516 г. Болонский Конкордат фактически... сделал короля Франции главой галльской церкви»⁶.

На следующем "держаном" этапе происходит сложный процесс формирования идеи светской французской общности как особой общности, отдельной от личности короля и религии. Очень важную роль в *переходе от религиозной к светской общности* во Франции сыграли *религиозные войны эпохи Реформации* и противостояние Испании в 16 в. В середине 16 в. в городах Франции получил распространение кальвинизм. На это наложились сложные внутривластные процессы, что привело к так называемым гугенотским войнам (французские кальвинисты назывались гугенотами), начавшимся в 1562 г. и принявшим после Варфоломеевской ночи (1572) особенно ожесточенный характер. Очень сложное переплетение факторов (католическая общность, галиканская особость и свобода от Папы, противопоставление себя Англии и Испании) привело к воцарению *Генриха IV* (1594-1610), с которого начинается династия Бурбонов⁷. Он издал в 1598 г. знаменитый Нантский эдикт о веротерпимости, прекративший кровопролитие.

⁵ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008, с. 96, 97.

⁶ Гринфельд Л. Национализм... с.102, 103.

⁷ Будучи политическим вождем гугенотов, он, ценой отречения от кальвинизма, добился признания себя королем («Париж стоит мессы»).

В результате этих сложных процессов *французская общность отделилась от религии*. Стало распространяться мнение, что «французы не должны относиться к другим французам так, как будто они не французы, а турки... Между ними должна быть братская любовь и согласие». Генрих IV обратился к народу с призывом: «Я взываю к вам как к французам... Я хочу, чтобы все верующие в моем королевстве жили в мире... *Все мы французы и граждане одной и той же страны*». Таким образом, «Франция – верная дочь католической церкви, становилась матерью своему народу»⁸. Французская культурная общность из религиозной трансформировалась в светскую, формировавшуюся, как и ранее в Англии, вокруг светского "культурного ядра".

Но если в Англии светская общность формировалась, в первую очередь, вокруг увлечения историей, то во Франции – вокруг "*французского языка, французского превосходства в учености и литературе...* Начиная с 12 столетия *парижский французский становится международным языком высших классов...* Уже в 1148 г. тот кто не знал французского, считался варваром. Французский был языком Восточного государства крестоносцев, а в 13 в. на нем говорили при дворах Англии, Германии и Фландрии», его называли «самым красивым языком в мире»⁹. *История* Франции создается относительно поздно, на заключительном этапе формирования светской национальной общности. Крупные историки (Ф. Гизо (1787-1874), О. Тьерри (1795-1856), Ж. Мишле (1798-1874), Ф. Миньё (1796 – 1884)) создают чвои варианты фундаментальной истории Франции после *Революции, которая становится центральным событием французской национальной истории.*

Во Франции первой половины 16 в. происходила *типичная для эпохи Возрождения деперсонализация и десакрализация понятия «родины»*, в духе древнего Рима *и секуляризация французской общности*. В 16 в. формируется литературный французский язык и французская литература и поэзия Ренессанса. Особое место здесь занимает творчество поэтов «Плеяды», возглавляемой П. Ронсаром (1524–1585).

Параллельно этому центр новой идентичности стал смещаться *от короля к народу*, стала набирать силу концепция, что «*народ может существовать без короля*, в то время как короля без народа даже и представить себе невозможно». «*Служить родине (patrie) считалось в высшей степени почетным и похвальным делом*. Пьер де Ронсар утверждал, что “человек должен отдать все – даже саму жизнь, если patrie потребует его помощь и поддержка”». «Во времена Фронды и в более поздние годы правления Людовика XIV “государство” (state) последовательно переидентифицировали как исконное население Франции»¹⁰. Эти идеалы поддерживало искусство эпохи классицизма, которое, используя античные образцы, *воспевало любовь к родине и исполнение долга перед ней.*

⁸ Гринфельд Л. Национализм..., с. 106, 107.

⁹ Гринфельд Л. Национализм..., с. 96-97.

¹⁰ Гринфельд Л. Национализм..., с. 108, 102, 153.

На фоне этого процесса идет *формирование новой внесословной благородной элиты* на основе новой светской высокой культуры и образования.

В качестве *новой добродетели* (virtue) новая элита выдвинула *служение французскому государству и обществу*, которое при этом *отделилось от личности короля*. Так “истинные нужды государства” стали приравнять к “истинному благу народа”¹¹. Эти добродетели противопоставлялись нравам и атмосфере королевского двора, характеризовавшимся фаворитизмом, продажностью всех должностей, коррупцией, интригами, погоней за чувственными наслаждениями, одним из основных элементов которых были амурные приключения. Эта атмосфера, в сочетании с экономическими изменениями, ведшими к экономическому взлету «новых людей», вело к утрате старой элитой своего прежнего высокого политического и морального положения. Важной характеристикой новой элиты стала *образованность* – высокая культура эпохи абсолютизма создавалась *образованными людьми и для образованных людей*, поэтому *образование*, как и в Англии, стало независимой от сословного происхождения *дорогой в элиту*. Благодаря университетскому образованию при абсолютизме “городская” и “дворянская” культуры слились в одну высокую культуру, которая служила основой элитарности. «Упор на культуру в качестве определяющей черты знати стал причиной возвышения интеллектуалов из среднего класса. Наиболее успешные из них вошли в знать (точнее аристократию, элиту. – А.Л.)... Талант стал основанием для возведения в благородное достоинство. Интеллектуалы среднего класса смешивались с *grands seigneurs* в салонах и академиях»¹².

В эпоху абсолютизма, пиком которого можно считать время правления “Короля-Солнца” Людовик XIV (старшего современника Петра I) в политическом слое понятия *государства, родины и короля*, хотя и различались уже, но еще часто сливались в одно. Однако ситуация постепенно меняется в сторону равенства, в сторону идеи, что все граждане могут стремиться стать благородной элитой. В 1739 г. маркиз д’Аржансон (d’Argenson) говорил: «Пусть *все граждане будут равными*... Мы на деле должны иметь своей целью равенство, где единственное различие между людьми будет заключаться в их *личных достоинствах и заслугах* (а не происхождении. – А.Л.)». «К началу Революции трансформация была завершена. “*Национальное*” стало *атрибутом всего, что раньше было “королевским”*. Теперь имелись национальная гвардия, национальная армия, национальное собрание и национальное образование, национальные домены и национальная экономика, национальное благосостояние и национальный долг»¹³. В течение 18 в. трактовка концепции нации сместилась в сторону

¹¹ Гринфельд Л. Национализм..., с. 131.

¹² Гринфельд Л. Национализм..., с. 147.

¹³ Гринфельд Л. Национализм..., с. 145, 164

английского значения¹⁴, где она намного раньше уже стала абсолютным источником власти и объектом чрезвычайного поклонения.

И культурная и политическая идеи нации развивались первоначально благородным сословием, затем к этому процессу подключились более широкие образованные слои третьего сословия, т. е. бюргеры, и в преддверии Революции (в эпоху Просвещения) инициатива и лидерство перешли к ним.

Важнейшей чертой возникающего после религиозных войн державного состояния, которое сохраняется и в национальном состоянии, состоит в том, что вопрос о смысле жизни, о том, что является благом и «достойной жизнью», переносится из публичной в частную сферу. Этим создаются условия для совместной жизни людей, имеющих разные представления о благе. В публичной сфере объединяющими становятся причастность к общей истории (национальной или державной) и светской высокой культуре.

Переход от державного к национальному состоянию во Франции обозначен Французской революцией. Именно здесь народ как надсословная общность, сформировавшаяся на державной стадии, становится сувереном, и превращается в нацию граждан. В центре этого превращения лежит политическая трансформация, смена «политического ядра» - абсолютистского на республиканское.

Что касается культуры, то элитарное державное культурное ядро при этом превращении становится национальным. Широкие слои, включая крестьянство и городской плебс, к нему и национальной общности стали интенсивно приобщаться через всеобщее школьное образование и всеобщую воинскую повинность, особенно интенсивно в ходе Революции и последовавшими за ней «революционными» войнами, в которые была вовлечена вся страна¹⁵. Сопровождавшие эти войны настроения порой были сродни национализму.

Во французской истории разведенные нами понятия народа (стадия державы) и нации терминологически четко не разведены, а исторически переходят одно в другое. В России это не так.

Россия: аналогии с Францией

А) Российская империя

Начальные фазы процесса формирования русско-российской общности во многом напоминают описанный выше путь Франции. Подобно тому, как первоначально Франция выделялась как «самая католическая страна», Московская Русь формировалась под знаменем православия. Под этим знаменем происходило восстановление Руси после Смуты начала XVII в. (роль Минина и Пожарского в этом смысле напоминает роль Жанны д'Арк во

¹⁴ См. *Липкин А.И.* К вопросу...

¹⁵ Во Франции процесс приобщения к национальному «культурному ядру» народных масс шел вплоть до Первой мировой войны (*Султыгов А.-Х.* К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX века // Вестник российской нации, 2009, №2(4)).

Франции). Т.е., как и во Франции, *первая форма патриотизма и идентичности имела религиозную основу* и, как и во Франции, правитель страны рассматривался как воплощение этой основы. Как и в свое время во Франции, в Московской Руси корона (царская) объединяла территорию, ее население и религию. Как и во Франции происходила локализация определенной церковной формы в рамках государства и подчинение ее последнему. Этапы формирования и усиления связи церкви и государства в России могут быть обозначены деятельностью Митрополита Алексия при Дмитрии Донском в XIV в., победой линии Иосифа Волоцкого на Соборе 1503 г., переходом от патриаршества к подчиненному царю священному синоду в 1700 г. Т.е. путь формирования «королевской» ("царской") общности в России очень похож на французский.

Процесс формирования светской "державной" общности и отвечающего ей "культурного ядра" при Романовых (особенно на историческом отрезке от Петра I до Александра I) очень напоминает то, что происходило в XVII–XVIII вв. во Франции при Бурбонах. Так в политическом слое при Петре I первенство переходит *от религиозного идеала к светскому идеалу государственной пользы*, сливающейся с "общим благом". «Самодержец из наместника Бога превращался в первослужителя государства и главного радателя о его благе... Государство и царь не одно и то же, но верность царю и верность государству – одно и то же... Петр уже не рассматривает служение себе как служение непосредственно Богу... В обращении Петра к войскам перед Полтавской битвой говорится: вы не за Петра сражаетесь, "но за государство, Петру врученное». «При Петре это будет уже другое государство, которое консолидируется не на православном благочестии, а на других основаниях... Преемникам Петра отныне придется соизмерять себя с ним и его идеалом государственной пользы»¹⁶. Это произошедшее при Петре отделение русско-российской общности от религиозной (православной) очень напоминает произошедшее при Генрихе IV отделение французской общности от религиозной (католической). При Петре появляются понятия "отечество", "отчизна", "общее дело", "народ" (Малороссии, Московии), индивидуальный патриотизм¹⁷.

Очень важными событиями для процесса формирования надсословной державной общности были Полтавская битва и войны 18 в., но особенно Отечественная война 1812 г., вызвавшая прилив чувств патриотического энтузиазма и всеобщего единения. В слое культуры она стимулировала развитие светской высокой (связанной с образованием) культуры, основу которой составляли светская литература и история, где были заданы специфичные для России типы поведения индивида и идея народа, уже имевшаяся у декабристов. Особое место здесь занимают творчество А.С. Пушкина, ознаменовавшее зрелость русского литературного языка и

¹⁶ Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или начало? М., 2005, с. 253, 254, 241, 281.

¹⁷ Гринфельд Л. Национализм..., с. 189.

литературы, и "История Государства Российского" Н.М. Карамзина (1816–1829 гг.)¹⁸.

Все это происходило, как и во Франции и Англии, в рожденном Петром I и Екатериной II новом слое образованного дворянства, чье мироощущение было замечательно выражено Пушкиным: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы». Как и во Франции, в России в благородном сословии происходит сдвиг от религиозной идентичности к светской через российскую культуру (выросшую на основе импортированной ранее европейской культуры) и российскую историю. На этой основе развивался европейский вариант независимой личности, закрепляемый системой европейского типа светского высокого образования.

То есть в XIX в. были созданы русско-российские культура, история и идея народа, т.е. создано светское «державное» «культурное ядро», т.е. культура подобная другим европейским светским, индивидуализированным национальным культурам (французской, английской и проч.). Развитие и культивирование этого «культурного ядра», как и на Западе, было тесно связано с университетами и образованным слоем. Это состояние, отвечающее Франции периода абсолютистской монархии и, отчасти, эпохе Просвещения, мы обозначили как "державное", которой часто отвечает высокий накал «державного патриотизма». Т.е. «державность», которую некоторые выдвигают как особую специфику России, есть весьма распространенная форма общности, более ранняя, чем национальная. Именно ей отвечает «сообщество по государству» В.А. Тишкова¹⁹.

Существенное отличие России от Франции связано с необходимостью отличать державную «российскость» от национальной «русскости». Во Франции, как было сказано, нет необходимости в подобном различении, там «державное» стало «национальным». В Российской империи и СССР дело обстояло сложнее, о чем речь впереди.

¹⁸ «Первые восемь томов «Истории государства Российского» увидели свет в начале февраля 1818 года... В 25 дней продано 3000 экземпляров. Тираж и скорость продажи для России тех лет небывалые! «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили», – вспоминал позже Пушкин... Федор Толстой по прозвищу Американец, картежник, бретёр, отчаянный храбрец и забияка, одним из первых приобрел книги, заперся в кабинете, «прочел одним духом восемь томов Карамзина и после часто говорил, что только от чтения Карамзина узнал он, какое значение имеет слово Отечество». А ведь это тот самый Толстой-Американец, который уже доказывал свою любовь к Отечеству и патриотизм беспримерными подвигами на поле Бородинском... «Карамзин – наш Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом году» - писал П.А. Вяземский (Зубов Д. Граф истории Карамзин // Электронное издание "Человек без границ". [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/persons/fatherlands_sons/graf_karamzin/).

¹⁹ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. с. 9 (правда, В.А. Тишков связывает это сообщество с понятием нация).

Б) СССР

В советский период была воспроизведена та же схема. Сначала «королевская» («царская») общность вокруг новой всемирной религии – коммунизма – и тесно связанного с ней вождя (сначала Ленина, потом Сталина), затем локализация этой всемирной религии в рамках данного государства («социализм в отдельно взятой стране»), совсем как во французском сценарии с католицизмом и российским с православием. После победы в Великой Отечественной войне, где воевали под лозунгом «за Родину, за Сталина», начинается *деперсонализация и десакрализация понятия «родины»*. Первое происходит после разоблачения культа личности на XX съезде КПСС, второе – в ходе хрущевской «оттепели», когда советская художественная культура отделяется от идеологии и обращается к образам живых людей и к традициям великой русской литературы. Деидеологизации подвергается и советская история, где "белые" начинают приобретать положительные черты (начиная с фильма Григория Чухрая "41-й" (1956)). Параллельно усилению деидеологизации (эквивалент десакрализации) художественной культуры шло ослабление влияния коммунистической идеологии в брежневский «застой». При этом советской «державной» общности отвечало понятие «советский народ», которое не было фикцией. Учитывая наличие сформированного «культурного ядра» (русско-советской истории и литературы) и приобщение к нему масс через всеобщее среднее образование, позднесоветский период, особенно период горбачевской "перестройки", очень напоминал «державное» состояние в России границы XIX-XX вв., но с учетом всеобщего среднего и массового высшего образования.

Итак, в рамках Российской империи и СССР процесс формирования русской нации завершён не был. Таблица 1 демонстрирует, что развитие и Российской империи и СССР шло, как и Франции, по первому типу построения национальной общности вплоть до зрелого «державного» состояния.

Таблица 1. Сравнение первых двух шагов на пути формирования нации во Франции с их аналогами в Российской империи и СССР²⁰

Франция	Российская империя	СССР
<i>переплетение общности подданства и религии</i> (от "папской революции" 12 в. (новой роли королей – защитников церкви и порядка) до Болонского Конкордата (1516): король - глава галльской церкви)	корона объединяла территорию, ее население и религию. Москва – 3й Рим. <u>Соборное уложение 1649 года</u> , ставившее Церковь в подчинение государству	общность вокруг новой всемирной религии – коммунизма – и тесно связанного с ней вождя (сначала Ленина, потом Сталина). Локализация: "социализм в отдельно взятой стране"
<i>Религиозные войны эпохи Реформации и противостояние Испании в 16 в.</i>	Северная война начала XVII в. Отечественная война 1812 г.	Великая Отечественная война
при Бурбонах в XVII–XVIII вв. от <i>Генриха IV до Людовика XIV: «Все мы французы».</i>	При Романовых от Петра I до Александра I <i>от религиозного идеала к светскому идеалу государственной пользы: «Вы не за Петра сражаетесь, но за государство, Петру врученное».</i> При Петре появляются понятия "отечество", "отчизна", "общее дело", "народ" (Малороссии, Московии)	После победы в Великой Отечественной войне, где воевали под лозунгом "за Родину, за Сталина", начинается <i>деперсонализация и десакрализация понятия «Родины».</i> Первое происходит после разоблачения культа личности на XX съезде КПСС, второе – Параллельно росту деидеологизации (эквивалент десакрализации) художественной культуры и жизни

²⁰ В Таблице еще выделены «главные войны», имевшие большое значение для перехода из «королевского» («царского») в «державное» состояние.

Специфика России

Теперь обратимся к принципиальным отличиям России от Франции, препятствующим переходу из державного в национальное состояние.

Уточнение понятия «держава»

Из сравнения историй России и Франции вытекает необходимость уточнения понятий «державы» и «державности». В случае Франции, следует говорить о состоянии «*державы-нации*», имея в виду ее внутреннюю относительную однородность, вследствие чего там происходит непосредственный переход страны как единого субъекта от состояния державы и народа к состоянию нации и граждан. В случае России в силу ее неоднородности такой переход чреват распадом на несколько субъектов-наций, поэтому для подобных потенциально распадающихся субъектов стоит ввести понятие «*держава-империя*» (классическим примером здесь является Австро-Венгерская империя)²¹. Распаду «державы-империи» на нации отвечает, во-первых, распад державной истории на ряд разных плохо совместимых друг с другом национальных историй. Во-вторых, создание разных национальных литератур, в рамках которых создаются разные типы личностей, которые в чем-то противопоставляются друг другу (типа того, что имеет место, скажем, в французской, английской и немецкой литературах)²².

Действительно, важной чертой Российской империи конца XIX в. было вызревание национальных культурных ядер в различных ее областях²³ (будущих республиках Прибалтики и Закавказья, а также Украине, Белоруссии, Казахстане, Татарстане, Польше и Финляндии). Подобно тому, что имело место во многих частях Европы, здесь шел процесс формирования национальных общностей второго типа. На этом пути они прошли фазу А, а кое-где имела место и фаза Б (по классификации С. Хроха)²⁴.

Это порождало рассматриваемую Р. Уортманом²⁵ *альтернативность проектов державы-империи и национальных государств*. Державная общность объединяла всех, превращение державного русского культурного ядра в национальное русское по французскому варианту вело к

²¹ Державно-имперская форма здесь вводится как особое понятие, отличное от обсуждаемого в литературе понятия империи, тем более от понятия колониальной империи. Эта форма предполагает политическое равенство, но потенциальную социокультурную неоднородность на следующем уровне, что может привести к распаду. Как и другие понятия, они задают «идеальный тип», приближенными реализациями которого, возможно, были империя Александра Македонского и поздний Рим.

²² В рамках ЕС ведется специальная работа по уменьшению конфликтности изложения национальной истории в школьных учебниках истории.

²³ См. Капеллер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 1997.

²⁴ В советские 1920-40-е гг. эти национальные культуры и истории были уничтожены как «буржуазные» (а вместо них под видом «титовых наций» культивировались «этнические» общности и отвечающая им «фольклорная» («народная») культура). Возвращение к процессу формирования национальных общностей происходит в 1970-х (его стимулирование было незапланированным следствием празднования 50-летия СССР). Часть из них в ходе распада СССР выделилась в отдельные государства, а часть (например, Татарстан) осталась в составе РФ. При этом во многих из них в позднесоветское время опять были пройдены фазы А и Б.

²⁵ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1, 2. М., 2005.

распаду этой державы на национальные государства, как это произошло с Австро-Венгрией.

Поэтому именно державность была в центре программы «официальной народности», сформулированной графом Уваровым в 30-х годах XIX в.²⁶ в виде знаменитой триады «*православие, самодержавие, народность*» с консервативным акцентом на среднем члене. При этом политика Уварова предполагала широкую программу просвещения народа. Т.е. в России, в отличие от Франции, приобщение народных масс шло к «державному», а не к «национальному» культурному ядру²⁷, созданному в элитарном слое.

Тот же державный характер носили и *две другие формы «народничества»: славянофильская*, делавшая акцент на православии и соборности, и *революционная*, к которой относятся большевики, меньшевики и эсеры, ставившие на первое место «народность» («простой народ»)²⁸.

В общем-то державной была и, создававшаяся образованным слоем и для образованного слоя *не народническая* по своей сути основная линия *великой русской литературы*²⁹. Здесь разрабатываются образы индивидов европейского типа. Эта либеральная традиция внесла огромный вклад в развитие литературы (от А.Пушкина до М. Булгакова), искусства, науки, философии, а также экономики (бурное развитие техники и промышленности и новые формы их организации были тесно связаны с европейским образованием и "либерально-демократической" линией). Основу этой линии составлял *идеал эмансипированной, сознательной и самосовершенствующейся (развивающейся) личности, служащей общему делу* (общественным идеалам). В силу «русскоцентричности» «русского» (суб)цивилизационного и национального русского «культурных ядер» они очень близки³⁰.

Все эти черты «державы-империи» были воспроизведены в СССР.

²⁶ Радикальная республиканская программа декабристов была ее антагонистом.

²⁷ Султыгов А.-Х. К вопросу оформлению российской нации в первой половине XIX века // Вестник российской нации, 2009, №2(4).

²⁸ «Народниками были славянофилы и Герцен, Достоевский и революционеры 70-х годов. И всегда в основании лежала вера в народ как хранителя правды... Основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни». Поэтому в рамках народничества развивался не столько идеал личности, сколько идеал «народа» в виде «идеализации или допетровской России, или Запада, или грядущей революции» (Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. - М.: Наука, 1990, с. 131). Для всех этих течений характерно представление, что "Народ – это они" – крестьяне, пролетарии, ..., вместо европейской формулы "Народ – это мы" – правоведа и ученые, негоцианты и ремесленники, одним словом, все те, «в ком нет ни капли тиранических устремлений» (Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988, с. 95).

²⁹ Хотя параллельно ряд ключевых авторов (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, но не А.С. Пушкин) исповедовали идеологию народничества, но в их художественных литературных произведениях доминировала другая линия, сделавшая русскую литературу ведущей европейской литературой конца 19 – начала 20 вв.

³⁰ Нечто подобное имеет место между "британскостью" и "английскостью" (Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Вестник Российской Нации 2009 №2(4) С. 122-143).

Субцивилизационная альтернатива.

Постсоветская Россия находится в том же «державно-имперском» состоянии в рамках «приказной» системы, что и ее предшественники. Распад СССР повысил ее однородность и несколько упростил систему, но, с другой стороны, возникли новые сложности.

Во-первых, произошла *деградация державного "культурного ядра"*: опустилась культура (зеркалом этого является ТВ – самый массовый культурный агент, а также отношение к библиотекам, музеям, и другим институтам и организациям культуры), распавшаяся на фрагменты (досоветский, советский и постсоветский) история перестала объединять людей, более того, она стала разъединять, начались "гражданские войны за историю", что отразилось в проблеме нахождения объединяющих исторических праздников (элементов "державной истории").

Во-вторых, произошла архаизации Закавказья, создавшая новую крупную внутреннюю неоднородность.

В третьих, в силу нового этапа глобализации, Россия, как и многие европейские страны, стала открытой по отношению к брожению внешнего по отношению к ней исламского мира³¹.

В этих условиях одной из актуальнейших задач стала задача создания или восстановления объединительного «культурного ядра». Для ее решения сегодня предлагается несколько совершенно разных проектов.

Один из них пытается опереться на православную религию, воспроизводя иосифлянскую идею. Это отвечает «королевскому» («царскому») типу единства, характерному для России 17 в.³² Вряд ли этот проект реализуем в глобализирующемся и плюралистичном мире 21 в. История показывает, что попытки строить коллективную идентичность на религиозной основе сопровождаются вспышками деиндивидуализирующего фанатизма, ведущего к расколу общества и религиозным войнам. При наличии исламоориентированных регионов, это, скорее всего, приведет к дальнейшему распаду России. Кроме того религиозные общности неустойчивы по отношению к религиозным расколам (католицизм и протестантство, шииты и сунниты, большевики и меньшевики)³³. Именно поэтому в истории многих стран на смену религиозному «королевскому» («царскому») этапу приходит светский «державный», важнейшей чертой

³¹ Липкин А. И. Типы мультикультурности в современном мире // Международный научно-практический журнал партнерство цивилизаций. № 4/2013.

³² Естественно, в свете вышесказанного, говорить о России как «православной нации» было бы противоречием в определениях, поскольку национальная общность предполагает светскую основу. Православие (иосифлянского типа) в качестве «государственной» религии-идеологии является естественным дополнением самодержавной системы (Липкин А.И. Российская самодержавная система правления // ПОЛИС (Политические Исследования). 3/2007), но это отбрасывает в средневековые времена Московской Руси. Современный интерес к мировым религиям на Западе связан с поиском индивидуально го смысла жизни и духовности, но не государственной идеологии, ведущей к деиндивидуализации чреватой экстремизмом.

³³ Правда, есть пример Исламской республики Иран, но время ее существования не очень велико и она находится в очень сложных отношениях с внешним миром, да и внутривластная ситуация там тоже довольно напряженная. То же можно сказать и об Афганистане и о ряде других исламских государств.

которого является то, что вопрос о смысле жизни переносится из публичной в приватную сферу. Этим создаются условия для совместной жизни людей, имеющих разные представления о «достойной жизни». В публичной сфере объединяющими становятся причастность к общей истории (национальной или державной) и светской высокой культуре (литературе).

Опасностью того же всплеска фанатизма и распадом чреват и проект русского национализма (отвечающий схеме С. Хроха при создании наций второго типа), к чему это ведет, мы сейчас можем наблюдать на примере Украины³⁴.

Еще обсуждается проект либеральной «многонациональной нации»³⁵, который предполагает светское индивидуализированное «культурное ядро». Я полагаю, что речь идет о державной или государственной общности, поскольку «многонациональная нация» мне представляется самопротиворечивым понятием.

Основу национального «культурного ядра» здесь составляют светские история страны и высокая (т.е. связанная с образованием и образованным слоем) культура (в первую очередь литература).

Я исхожу из того, что литература задает типы индивидов и их отношений. Один и тот же тип личности может выражаться на разных языках. В этом случае мы имеем общую, но полиязычную литературу – национальную (как в Канаде, Бельгии, Швейцарии) или державную (что, по-видимому, в значительной степени имело место в царской и советской России). Однако мы полагаем, уподобляя культуры языкам³⁶, что если национальные литературы уже сложились, как это имеет место сегодня в Европе (и отчасти в России), то объединенная культура может возникнуть лишь на следующем – субцивилизационном – уровне, содержащем субцивилизационную смысловую компоненту, типа «американской мечты» и «европейской мечты»³⁷, отличающих Европу и Северную Америку на субцивилизационном уровне. Российская империя и тем более СССР имели подобную субцивилизационную особенность. Думаю, и современная Россия, будучи наследницей двух предыдущих, обладает своим вариантом «мечты». И как и предыдущие она принадлежит к европейскому типу³⁸. Исходя из этого, я выскажу предположение, что место проекта «многонациональной нации» должен занимать проект державы-субцивилизации.

Одним из важнейших элементов последней является соответствующее «духовное ядро». На какой основе оно может вырасти? Уваровская триада 19 века «православие-самодержавие-народность» (и тем более «Русь

³⁴ В современной Украине, которая в 2000-х гг. берет более определенный, чем Россия, курс на построение национального государства, неоднородность типа «державы-империи» закономерно порождает проблемы с ее Юго-Востоком.

³⁵ Тишков В.А. Российский народ: история...

³⁶ Общенациональный литературный язык возникает не как смесь диалектов, а как наддиалектное образование (как правило на базе одного из диалектов).

³⁷ Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. N.Y., 2004.

³⁸ Именно поэтому Русская культура так «на ура» была воспринята в Европе начала XX в., никто не ставил под сомнение, что это европейский вариант литературы и искусства.

православная» 17 века) на это явно не тянет³⁹. Если обращаться к истории культуры как ресурсу, а в 21 в. это главный ресурс, то высшие точки взлета российской и русской культуры это, во-первых, «серебряный век», вобравший все лучшее в предыдущей истории, включая нестяжательскую традицию старцев Оптиной Пустыни, понятие чести и роли личности, сформировавшиеся в дворянской среде к началу 19 в. и унаследованные разночинцами – инженерами, учителями, врачами, учеными, офицерами, промышленниками (здесь очень важны также купеческая и старообрядческая культуры), деятелями литературы и искусства – т.е. тех, кого во Франции 18-19 вв. называли «народом» (к этому можно добавить, что с этой линией связана и успешная судебная реформа конца 19 в.). Эти же идеалы проросли в образованном слое советского общества и породили высокие образцы литературы и искусства 1960-70-х гг., которые создавались и воспринимались как общероссийские (советские), а не русские. Во всяком случае других, кроме российской европейской светской высокой культуры, серьезных кандидатов на это место нет.

Но остается вопрос почему эта общность не пойдет по стандартному пути, обозначенному в начале XX в. Австро-Венгрией?

Благоприятный ответ на этот вопрос может вытекать из нарождающейся в современном глобализирующемся мире новой тенденции – региональной консолидации на цивилизационной основе. Нынешняя фаза глобализации проблематизирует существование национальных государств, передавая многие их прежние функции на более высокие уровни – региональный и глобальный. «В свете возрастающего плюрализма внутри национальных обществ⁴⁰ и глобальных проблем, с которыми национальные правительства сталкиваются во внешней сфере, национальное государство в обозримом будущем уже не сможет обеспечивать надлежащие рамки для поддержания демократического гражданства. Что здесь в целом кажется необходимым, так это поднятие способностей к политическому действию на более высокий уровень, выходящий за рамки национальных государств»⁴¹. Это толкает к все более тесному объединению локальных национальных государств в рамках (суб)цивилизационных регионов (ЕС – не единственный пример этого процесса, по тому же пути идут процессы объединения в рамках Северной Америки и Латинской Америки). Т.е. современное государство это не обязательно национальное государство (бывшее очень эффективной формой для предыдущего исторического этапа).

³⁹ Прошло время и для рождения монархий – конституционная монархия неплохой вспомогательный институт, но для их рождения нужны условия, которые были в 16-18 вв. и которых сегодня нет.

⁴⁰ Проблемы мультикультурности современных развитых обществ, являющиеся одним из следствий глобализации, анализируются в (Липкин А. И. Типы мультикультурности в современном мире...).

⁴¹ Хабермас Ю. (2002) Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм М., с. 377, 379.

Нация и демократия

Итак, российская ситуация от французской отличается типом державности, наличием в российском варианте внутренней неоднородности на национальном уровне, с одной стороны, и наличием субцивилизационных претензий – с другой⁴². В этом состоит еще одно важное отличие российской державно-имперской формы от французской державно-национальной, где субцивилизационные смыслы были не французскими, а западноевропейскими.

Другим отличием российской державности от французской является важное дополнительное препятствие для перехода от народа державы к гражданам национального государства, предполагающего демократическую республику (что в нашей литературе часто называется «гражданской нацией»). Речь идет о переходе от «приказного» принципа («вертикали власти»), где у одной стороны – права, а у другой – обязанности, к «договорному», где права есть у обеих сторон.⁴³ Это является куда более радикальным переходом, чем переход от абсолютизма к республике в рамках «договорной» системы. Действительно по своей форме режимы Бурбонов и Романовых весьма похожи, но в силу наличия разных институциональных традиций у них разные перспективы. В выросшей на «договорном» принципе Франции, Король-Солнце Людовик XIV, ставший для всей Европы образцом абсолютного монарха, мог себе многое позволить, в частности, мог заточать отдельных индивидов без суда, но и при нем оставался принцип права и суда, который, несмотря на возросшую продажность судей, работал, особенно вне сферы дворцовых интриг, т.е. в основной части городских дел. Да и сам Король-Солнце должен был оглядываться на этот принцип. Идеи Просвещения, включавшие идею гражданина, реализованную Французской революцией, имели массовую поддержку и соответствовали этому принципу. Т.е. в истории Франции абсолютизм может рассматриваться как некоторое временно ослабление «договорного» принципа.

В России доминирующим является «приказной» принцип, который устанавливается снизу, со стороны той части населения, которая право (и связанную с ним ответственность) решать макропроблемы и споры, делегирует «наверх», создавая этим место «правителя». Т.е. институт правителя здесь держится на патерналистских настроениях масс, и пока он доминирует, «приказная» система институтов будет воспроизводиться, меняться может лишь ее наполнение. В этом плане при переходе от царской России к советской ничего не изменилось, этот переход совершился внутри «приказной» системы⁴⁴. То же, по-видимому, можно сказать и о постсоветской России.

⁴² Как по отношению к РФ, так и шире, в рамках проекта Евразийского экономического союза.

⁴³ *Липкин А.И.* Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России, 2012, с. 4-5.

⁴⁴ Февральская революция 1917 г. и Август 1991 происходили под этими знаменами. Но поскольку их социальная база была слаба, то эти знамена они смогли всерьез поднять лишь на плечах народного бунта, который, как и положено бунту, восстановил приказную систему, превратив демократическую революцию лишь в «пену» на своих волнах (подробнее см. *Липкин А.И.* Россия между...). Нечто подобное происходит

В свете этого возникает следующий вопрос – насколько необходим переход от «приказной» системы к «договорной»? Здесь ответ не столь однозначен. Для многих стран «приказная» система и державное состояние являются естественными и устойчивыми состояниями. Однако все развитые страны являются правовыми гражданскими государствами, принадлежащими к «договорному» типу. Показательны в этом плане примеры Японии и особенно Южной Кореи. Их опыт демонстрирует что: 1) и «договорной» и «приказной» принципы не имеют жесткой связи с локальной цивилизацией, они могут реализовываться в одной локальной цивилизации; 2) для незападных локальных цивилизаций (тем более для России) установление правового государства и демократии («договорной» системы институтов) дело трудное, но возможное и желательное. «Приказные» системы, когда они в «хорошей форме», в которой сегодня находится Китай, способны догонять и даже перегонять в определенных направлениях, но фундаментальные инновации порождаются не ими, и они часто, подобно носорогу, проскакивают точки изменения мировых трендов (как это было в 1960-х в СССР). Современная инновационная экономика с ее быстро меняющимися трендами требует определенной *среды*, в первую очередь правовой, способствующей свободе действия индивидов. Т.е. *переход от «приказной» системы к «договорной» дает шансы стать развитым государством*. Поэтому он желателен, особенно для России, для которой на протяжении многих столетий соревнование с Западом (хоть и в форме «догоняния», но с перспективой догнать, а может и перегнать в определенных направлениях) является стимулом к подъему патриотизма⁴⁵, возможно, это является важной компонентой «российской мечты».

Подводя итог проведенному анализу, можно сказать следующее. Процесс формирования российской общности сначала шел аналогично французскому, но лишь до стадии державной общности. Далее на авансцену выходит специфика России в виде 1) опасности распада, 2) наличия субцивилизационной альтернативы национальной общности, 3) принадлежности к «приказному» типу систем. Первое связано с внутренней культурной неоднородностью России, тому, что тип общности к которому она пришла – это «державо-империя», а не «державо-нация». Субцивилизационная альтернатива обусловлена наличием в прошлом соответствующей мощной высокой культуры, с одной стороны, и новыми внешними условиями связанными с современной фазой глобализации. Третий пункт выявляет принципиальное препятствие на пути выхода в «развитые» страны, что для России, по-видимому, принципиально важно, поскольку это входит в «российскую мечту», на которой основывается субцивилизационная альтернатива. В свете этого наиболее привлекательным

сейчас в Украине, где к этим двум составляющим прибавляется националистическое движение, которое здесь оказывается очень значимым. Во всех трех случаях демократическое движение, тон в котором задает интеллектуальная элита, видит только свой процесс, не замечая другие более мощные.

⁴⁵ Это очень ярко демонстрируют массовые настроения вокруг присоединения Крыма.

и современным выглядит проект восстановления субцивилизационного единства и переход к «договорной» системе институтов, что отвечает гражданскому состоянию общества (державе граждан).

Библиография

1. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* (2005) История России: конец или начало? М.
2. *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
3. *Липкин А.И.* К вопросу о понятиях национальной общности и национального «культурного ядра» // Вестник российской нации, 2012, №4-5, с.155-176.
4. *Липкин А.И.* Российская самодержавная система правления // ПОЛИС (Политические Исследования). 3/2007.
5. *Липкин А.И.* Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России 2012 (4) с. 40-62.
6. *Султыгов А.-Х.* К вопросу о формировании российской нации в первой половине XIX века // Вестник российской нации, 2009, №2(4), с. 98-120.
7. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013.
8. *Тишков В.А.* Российский народ. М., 2010.
9. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1, 2. М., 2005.
10. *Липкин А. И.* Типы мультикультурности в современном мире // Международный научно-практический журнал партнерство цивилизаций. № 4/2013.